

Дукорский В.В.^{1,2} ✉, Зайцева Л.Л.³, Остянко Ю.И.², Скугаревский О.А.¹

¹ Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь

² Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, Минск, Беларусь

³ Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

Моральный вред, причиненный преступлением, или психическая травма? (анализ позиции адвокатов)

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: концепция исследования и написание текста – Дукорский В.В.; редактирование – Зайцева Л.Л.; разработка дизайна исследования – Остянко Ю.И.; постановка проблемы – Скугаревский О.А.

Подана: 10.02.2025

Принята: 14.04.2025

Контакты: vl.dukorsky@tut.by

Резюме

В настоящей статье представлены мнения адвокатов о правовой категории «моральный вред» и проблемах ее использования для восстановления прав потерпевших от преступлений. В анонимном анкетировании по данному вопросу приняли участие 102 адвоката из всех регионов Республики Беларусь. Результаты анкетирования адвокатов показали, что в соответствии с их практическим опытом значительная часть потерпевших от насильственных действий самостоятельно не заявляет иски о компенсации морального вреда. При этом часть опрошенных видит необходимость совершенствования обсуждаемой правовой категории. Большинство адвокатов поддерживали идею разделения психической травмы на ординарную психическую травму (эмоциональные переживания при отсутствии диагноза психического расстройства в результате преступления) и психическую травму в виде психического расстройства (при установлении соответствующего диагноза). Значимо большая часть опрошенных положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения психической травмы, а также к привлечению инструментальных методов (айтрекинга) для дополнительной верификации.

Ключевые слова: травма-информированная юридическая практика, потерпевший от преступления, вред, причиненный преступлением, психическая травма, моральный вред, адвокат

Dukorsky V.^{1,2} ✉, Zaitseva L.³, Ostianko Yu.², Skugarevsky O.¹

¹ Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

² State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

³ Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors, Courts and Legal Professionals at the Belarusian State University, Minsk, Belarus

Moral Damage Caused by a Crime or Psychological/ Psychiatric Injury? (Analysis of the Lawyers' Position)

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: research concept and writing – Dukorsky V.; editing – Zaitseva L.; development of research design – Ostianko Yu.; problem statement – Skugarevsky O.

Submitted: 10.02.2025

Accepted: 14.04.2025

Contacts: vl.dukorsky@tut.by

Abstract

This article presents the opinions of lawyers regarding the legal category of "moral injury" and the problems of its use to restore the rights of crime victims. 102 lawyers from all regions of the Republic of Belarus took part in an anonymous survey on this issue. The results of the survey of lawyers showed that, in accordance with their practical experience, a significant portion of victims of violent acts do not independently file claims for compensation for moral injury. At the same time, part of the surveyed community of lawyers sees the need to improve the discussed legal category. Most lawyers supported the idea of dividing psychological/psychiatric injury into ordinary psychological/psychiatric injury (emotional experiences in the absence of a diagnosis of a mental disorder as a result of a crime) and psychological/psychiatric injury in the form of a mental disorder (if an appropriate diagnosis is established). A significantly larger part of the respondents has a positive attitude towards the introduction of specialized test methods to confirm psychological/psychiatric injury, as well as the introduction of instrumental methods (eye tracking) for additional verification.

Keywords: trauma-informed legal practice, victim of a crime, harm caused by a crime, psychological/psychiatric injury, moral injury, lawyer

■ ВВЕДЕНИЕ

Без обеспечения справедливого и эффективного механизма восстановления нарушенных прав граждан невозможно построить современное правовое государство. В Республике Беларусь компенсация потерпевшему психических страданий реализуется с помощью юридической категории «моральный вред». Нормативное регулирование права на компенсацию психических страданий (морального вреда) и трудности его реализации обсуждались авторами настоящей статьи в ведущих юридических изданиях Беларуси: журнале Верховного Суда Республики Беларусь «Судовы веснік» [1], журнале Генеральной прокуратуры Республики Беларусь «Законность и правопорядок» [2], журнале Следственного комитета Республики Беларусь «Предварительное расследование» [3], а также в журнале Государственного комитета

судебных экспертиз Республики Беларусь «Судебная экспертиза Беларуси» [4]. Мнения судебных психиатров и судебных психологов, а также прокуроров, следователей и судей о компенсировании причиненных потерпевшим страданий посредством использования категории «моральный вред» представлены в специализированном медицинском издании [5–8]. В настоящей работе взгляд на данную правовую категорию и перспективы ее совершенствования изложен с позиции представителей адвокатского сообщества.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Адвокатам из всех областей Республики Беларусь было предложено заполнить анонимную анкету, состоящую из вопросов, посвященных отечественному механизму компенсации потерпевшим их психических страданий (морального вреда), причиненных совершенным в их отношении преступлением. Всего в анонимном анкетировании приняли участие 102 адвоката. Исследуемая выборка специалистов состояла из 31 мужчины (30,4%) и 71 женщины (69,6%). Средний возраст респондентов – $44,7 \pm 9,2$ (Мо=47, Ме=45,0) года, средний стаж работы по специальности – $19,8 \pm 9,5$ (Мо=24, Ме=20,0) года. Исследование было поперечным и сравнительным. Метод исследования – анкетирование. Различия в частотном распределении внутри признака между группами оценивались с помощью критерия Пирсона χ^2 с использованием поправки Йейтса. Статистическая обработка данных производилась с помощью программного пакета статистического анализа Statistica 12.0.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Возможность возмещения психических страданий (психической травмы) потерпевшим от правонарушений закреплена белорусским законодательством в категории «моральный вред». Самой существенной причиной возникновения морального вреда является совершенное в отношении человека уголовное преступление. В первую очередь это касается насильственных преступлений, в результате которых риск развития психических расстройств наиболее высок. Необходимо уточнить, что психическая травма развивается и без возникновения (диагностирования) психического расстройства, а может выражаться в страданиях потерпевшего, которые не обязательно достигают уровня психического заболевания. Психическая травма способна негативно отразиться на межличностных отношениях, социальном, семейном, учебном или трудовом функционировании, приводить к хроническим соматическим заболеваниям. Еще одним из возможных последствий является возникновение отсроченного психического расстройства, что особенно характерно для жертв сексуального насилия. Соразмерная денежная компенсация морального вреда позволила бы обеспечить своевременное преодоление травматического опыта за счет привлечения квалифицированных специалистов сферы охраны психического здоровья.

На вопрос о том, как часто на практике потерпевшие от насильственных преступлений (физической агрессии) самостоятельно заявляют иск о компенсации морального вреда, 10,8% адвокатов ответили, что потерпевшие очень редко заявляют такой иск, 21,6% респондентов указали, что потерпевшие чаще не заявляют иск (чем заявляют), 20,6% опрошенных считают, что примерно половина потерпевших подает исковое заявление о такой компенсации. Только 13,7% адвокатов указали, что потерпевшие от насильственных действий практически всегда заявляют иск

о компенсации морального вреда, а 22,5% респондентов отметили, что потерпевшие чаще иск заявляют, чем не заявляют. Статистически значимых различий в частоте ответов не выявлено ($p > 0,05$). Суммируя все ответы адвокатов, можно сделать вывод о том, что около половины потерпевших от насильственных преступлений не заявляет иски о компенсации морального вреда. Невольно возникает вопрос о причинах такой ситуации, которая требует принятия дополнительных мер по ее нормализации. Полученные данные указывают на необходимость разъяснения потерпевшим права на получение компенсации морального вреда и разработки механизма определения ее размеров на основе объективных критериев.

Полагаем, что изменить ситуацию поможет внедрение травма-информированного подхода, т. е. системы предоставления помощи людям, пережившим негативные последствия травматических событий. Частью этой системы является травма-информированная юридическая практика (далее – ТИЮП), которая подразумевает оказание юридической помощи с учетом потребности и опыта жертв насильственных действий. ТИЮП требует от юристов таких действий, которые учитывают влияние психической травмы на всех этапах производства по уголовным делам. В соответствии с ТИЮП приоритетом при оказании юридической помощи должны стать безопасность потерпевшего и восстановление его прав. Такой подход должен применяться как следователями, прокурорами, судьями, так и адвокатами, что повышает их престиж среди населения и социальную ориентированность профессиональной деятельности [9].

Следующий вопрос, поставленный адвокатам, был о том, как часто родственники (или иные близкие люди) потерпевшего от насильственных действий заявляют иск о компенсации их собственного морального вреда (переживаний, связанных со страданиями их близкого, который является потерпевшим по уголовному делу). Значимо большее ($\chi^2 = 20,6$; $p < 0,001$) количество респондентов (51,0%) ответили, что очень редко родственники потерпевшего заявляют исковое требование, 19,6% респондентов заявили, что близкие чаще не заявляют (чем заявляют) иск, 4,9% опрошиваемых указали, что примерно половина родственников потерпевших подают заявление о компенсации. Немного больше адвокатов (6,9%) ответили, что родственники и близкие люди потерпевших заявляют иск практически всегда, 8,8% респондентов отметили, что родственники потерпевших иск чаще подают, чем не подают.

Несмотря на невостребованность права на компенсацию морального вреда родственниками потерпевших от насилия, специалистам хорошо известно, что у близких людей таких потерпевших распространена травма свидетеля (викарная, или вторичная, травма), которая возникает в силу эмоциональной близости между родными людьми. По своей выраженности такая психическая травма может соответствовать любому расстройству, указанному в разделе F40-F48 рубрики «Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства» Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), а также оказывать самое неблагоприятное воздействие на жизнь человека [6, 7].

Далее следовал вопрос, связанный с привлечением потерпевшими от насильственных действий (физической агрессии) адвоката для защиты своих прав и законных интересов. По опыту 19,6% опрошенных респондентов потерпевшие привлекают адвокатов очень редко. По мнению 30,4% респондентов, потерпевшие чаще не привлекают адвоката (чем привлекают), 24,5% опрошенных отметили, что, по их

наблюдению, потерпевших, привлекающих и не привлекающих для своей защиты адвокатов, примерно равное количество. В практике только 3,9% респондентов потерпевшие привлекают адвоката почти всегда, а 14,7% опрошенных отметили, что потерпевшие чаще привлекают адвоката для защиты своих прав, чем не привлекают. Суммируя все ответы, можно подытожить, что значимо большее количество потерпевших от насильственных преступлений ($\chi^2=20,9$; $p<0,001$) не привлекают или очень редко привлекают адвоката для участия в защите своих законных прав.

Необходимо отметить, что даже у потерпевших без психических расстройств очень часто после травмирования присутствуют иррациональные чувства вины и стыда, а также характерные когнитивные искажения и схемы (некомпетентности, ненадежности и опасности мира) и фильтры (негативный фильтр, обесценивание позитива, черно-белое мышление), которые крайне неблагоприятно влияют на способность отстаивать свои права и законные интересы, в том числе для этого привлечь адвоката. В свою очередь участие адвоката в качестве представителя потерпевшего не только позволяет последнему более успешно реализовывать защиту своих прав и законных интересов, но и снижает повторную психическую травматизацию (вторичную виктимизацию) потерпевшего от столкновения с ситуацией травмирования [12].

Относительно априорной нужды потерпевших от насильственных действий в помощи адвоката во мнениях респондентов не выявилось статистически значимых различий ($p>0,05$). Так, 43,1% респондентов ответили, что в обязательном привлечении адвоката нет необходимости, если она возникает, то потерпевшие сами могут его пригласить. В свою очередь 45,1% респондентов указали на то, что адвокат необходим, поскольку в связи с перенесенным стрессом большинство потерпевших не могут сами полноценно отстаивать свои права и пытаются побыстрее разрешить ситуацию (даже во вред себе). Необходимо отметить, что кроме самого травматического стресса существуют симптомы стрессовых и других психических расстройств, а также юридическая неграмотность и финансовое неблагополучие потерпевших, что не позволяет им самостоятельно и эффективно (с помощью адвоката) отстаивать свои законные интересы.

Кроме привлечения адвоката за счет государства существует еще один вариант решения указанной проблемы, а именно – обеспечение оплаты юридической помощи потерпевшим из средств специализированного финансового фонда. Для авторов статьи оказалось неожиданным, что большинство адвокатов (49,0%; $\chi^2=5,9$; $p=0,01$) отнеслись к идее создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим отрицательно, лишь 31,4% респондентов поддержали эту идею. Подобный фонд мог бы обеспечить оплату не только юридической помощи адвоката, но и оказания потерпевшим качественной психологической, медицинской, социальной и других видов помощи, а также возмещение иных необходимых расходов [12].

Следующий вопрос, заданный адвокатам, касался необходимости внедрения правовых норм, которые бы позволяли максимально сократить участие потерпевшего в уголовном процессе с целью избежать риска повторного (дополнительного) травмирования пострадавшего. Более половины респондентов (52,9%) высказались об этой идее отрицательно, поскольку считают, что подобные нормы усложнят судебно-следственную практику. Положительно к данной идее отнеслись лишь 39,2% опрошенных. Хотя значимых различий ($p>0,05$) между частотой ответов выявлено не было, полученные результаты несколько удивили авторов исследования, так как

расходятся с нашим пониманием роли адвоката в уголовном процессе. Участие в расследовании уголовного дела может стать одной из основных причин повторной травматизации жертв преступления, что происходит чаще всего при отсутствии доверия между потерпевшим и представителями правоохранительных органов. Юристы, представляющие интересы жертв преступлений, могут сыграть важную роль в защите прав своих клиентов на протяжении всего процесса расследования и при принятии решений в суде [9].

Очередной вопрос был посвящен оценке соответствия правовой категории «моральный вред» современному состоянию науки и практики. Среди респондентов преобладали ответы «Правовая категория "моральный вред" требует незначительной доработки» (44,1%), «Правовая категория "моральный вред" требует глобального переосмысления» (37,1%). Далее по частоте с отрывом ($p < 0,001$) следовал ответ «Правовая категория "моральный вред" полностью выполняет свою функцию и в доработке не нуждается» (14,7%). Однако полагаем, что если даже малая часть потерпевших от насилия не заявляет иск о возмещении морального вреда или заявляет его, но не получает адекватной в финансовом отношении компенсации своих страданий, то исправлять такую ситуацию необходимо.

Как уже неоднократно отмечалось, само название правовой конструкции «моральный вред» несколько неудачное, поскольку в общественном дискурсе этот термин наделен скорее философским смыслом и не отражает психических страданий человека. Такое название приводит в замешательство потерпевших, когда на предварительном следствии или судебном заседании о наличии у них морального вреда спрашивает следователь, прокурор или судья. Кроме того, существует современная научная психолого-психиатрическая концепция морального вреда, содержание которой полностью соответствует своему названию (нарушение собственных ценностей, которое приводит к страданиям) [15–19].

В связи с вышеизложенным адвокатам был задан вопрос о том, целесообразно ли отечественную правовую категорию «моральный вред» заменить на принятую в мировом медицинском сообществе конструкцию «психическая травма» [20–25]. Около половины опрошенных (45,1%) сочли нецелесообразным что-либо менять. Вторая по количеству ответов часть респондентов (44,1%) посчитала необходимым использовать термин «психическая травма» и положительный зарубежный опыт в данном вопросе с учетом национальных медико-правовых традиций. «Нужно заменить только название на более соответствующее – "психическая травма"», – так ответили 4,9% респондентов.

Не менее важным моментом является определение круга специалистов, на основании компетентного мнения которых судом будет приниматься решение о наличии и выраженности психической травмы (морального вреда), а также о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между преступлением и психической травмой. Часть опрошенных считает, что принимать такие решения может только специалист, имеющий соответствующую лицензию (33,3%). Далее следовали ответы: достаточно медицинских документов и внутреннего убеждения судьи (27,5%), для таких целей необходимо привлечь судебного психиатра и/или психолога (17,6%) либо любого специалиста сферы охраны психического здоровья (16,7%). Полагаем, что привлечение квалифицированных психиатров и психологов является обязательным условием для обеспечения всестороннего и объективного

судебного разбирательства с целью установления наличия психической травмы и степени ее выраженности.

При этом необходим дифференцированный подход к оценке выраженности психической травмы, что требует разработки ясных, четких и справедливых критериев для определения суммы денежной компенсации потерпевшим. Большинство адвокатов (63,7%; $\chi^2=27,1$; $p<0,001$) поддержали идею разделения психической травмы на ординарную психическую травму (эмоциональные переживания при отсутствии диагноза психического расстройства в результате преступления) и психическую травму в виде психического расстройства (при установлении соответствующего диагноза). Не поддержали эту идею 26,5% респондентов, ответив: «Такое разделение не подходит, травма либо есть (психическое расстройство), либо ее нет». Безусловно, максимально дифференцированная оценка позволит наиболее точно определить размер суммы компенсации и алгоритм ее вычисления. На начальном этапе предложенное нами разделение может стать первым значимым шагом в указанном направлении.

Далее перед адвокатами был поставлен вопрос о том, должна ли ординарная психическая травма (эмоциональные переживания без развития психического расстройства) быть априорной нормой (т. е. обязательной) при любом преступлении. Высказались за внедрение априорной нормы в виде наличия психической травмы у потерпевшего по умолчанию даже при незначительном преступлении 63,7% респондентов ($\chi^2=18,9$; $p<0,001$), 32,4% ответили отрицательно, пояснив, что любую психическую травму необходимо доказывать. Авторам настоящей статьи ближе первая позиция, поскольку, на наш взгляд, ее реализация будет способствовать укреплению справедливости и гуманности белорусского правосудия.

Продолжая тему дифференциации психической травмы, было выяснено отношение адвокатов к созданию и внедрению в отечественное законодательство унифицированного перечня компенсаций в соответствии с видами совершенных в отношении потерпевших преступлений при наличии ординарной психической травмы. Отрицательно отнеслись к этой идее 58,5% респондентов ($\chi^2=8,7$; $p=0,004$), поскольку «в каждом случае нужно всегда разбираться отдельно», 37,3% опрошенных отнеслись положительно, так как «это значительно поспособствует обоснованному и четкому правоприменению». Полагаем, что такой подход позволит обеспечить денежную компенсацию всем людям, испытавшим негативные переживания от совершенных в их отношении правонарушений, а также даст возможность избежать диспропорции в размерах компенсации по одинаковым преступлениям.

Затем был поставлен вопрос о том, каким образом следует выплачивать компенсации потерпевшим, у которых будет установлена психическая травма в виде психического расстройства. Мнения респондентов разделились следующим образом: 61,8% считают ($\chi^2=20,3$; $p<0,001$), что в таком случае необходимо выплачивать единовременную денежную компенсацию, установленную в унифицированном перечне компенсаций, а также возмещать расходы на лечение потерпевшего у специалистов сферы психического здоровья. Отрицательно отнеслись к данной идее 29,4% респондентов.

Следующий вопрос был связан с тем, что зачастую психическая травма у потерпевшего возникает не вследствие преступления, а в результате комплекса причин, в том числе следственных и судебных действий (повторяющийся стресс в виде

напоминания о случившемся, ретравматизация). Более половины опрошенных (59,8%) указали на то, что именно обвиняемый запустил каскад всех событий (совершил травмирующее действие), поэтому он в полной мере является ответственным и должен возмещать причиненный вред. Вторая часть респондентов (39,2%) посчитала, что необходимо отделять последствия воздействия самого правонарушения на психику потерпевшего от сопутствующих факторов. Между мнениями респондентов по этому вопросу выявлены статистически значимые различия ($\chi^2=7,8$; $p=0,006$).

Следующий блок вопросов касался оценки достоверности психической травмы с учетом возможности проявления потерпевшим симуляции или аггравации. Треть респондентов (35,3%) посчитала психиатрическую оценку достаточно достоверной, но большая часть адвокатов указала на то, что требуются дополнительные инструменты оценки возможной симуляции (60,8%). Выявлены значимые различия в мнениях по указанному вопросу ($\chi^2=12,3$; $p<0,001$). Далее было установлено, что большая часть адвокатов положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для установления психической травмы – 78,4% ($\chi^2=83,4$; $p<0,001$), а также к внедрению айтрекинга (инструментального метода, основанного на фиксации реакций зрачка и движения глаз) – 49,0% ($\chi^2=5,9$; $p=0,01$).

Весьма важным является и вопрос о том, кто и как должен устанавливать факт элиминации (излечения) психической травмы в виде психического расстройства. В 48,0% случаев ($\chi^2=12,3$; $p<0,001$) адвокаты ответили, что факт выздоровления должен устанавливать специалист сферы психического здоровья, который занимается непосредственным лечением потерпевшего (во внесудебном порядке). В 17,6% случаев опрошенные указали, что для этой цели должна быть создана специальная межведомственная комиссия (психиатр, юрист, психолог и т. д.), а третья группа респондентов (23,5%) считает, что факт выздоровления (значительного улучшения) должен устанавливаться в судебном порядке (на основании заключения специалиста, осуществлявшего лечение, или межведомственной комиссии).

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анонимного анкетирования адвокатов показали, что в соответствии с их практическим опытом значительная часть потерпевших от насильственных действий самостоятельно не заявляет иски о компенсации морального вреда. При этом часть опрошенных видит необходимость в совершенствовании обсуждаемой правовой категории. Большинство адвокатов поддержало идею разделения психической травмы на ординарную психическую травму (эмоциональные переживания при отсутствии диагноза психического расстройства в результате преступления) и психическую травму в виде психического расстройства (при установлении соответствующего диагноза). Значимо большая часть опрошенных положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения психической травмы, а также к внедрению инструментальных методов (айтрекинга) для дополнительной верификации (проверки) наличия или отсутствия соответствующего диагноза или психологического состояния.

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Skugarevsky O., Ostynko Yu., Dukorsky V. On the way from moral damage to mental trauma. *Judicial Bulletin*. 2021;1:62–66. (in Russian)
2. Skugarevsky O., Evukhovich E., Dukorsky V. Perspectives of the medical and legal category "psychological/psychiatric injury" within the framework of domestic medical and legal reality. *Law and order*. 2022;63(3):60–63. (in Russian)
3. Skugarevsky O., Mistiukevich D., Dukorsky V. Pre-trial investigation and psychological/psychiatric injury in victims of crime. *Preliminary Investigation*. 2023;1(13):22–26. (in Russian)
4. Ostynko Yu., Dukorsky V., Kamenskov M. The diagnostic value of eye-tracking for forensic psychiatry and sexology. *Forensic Examination of Belarus*. 2023;1(16):47–52. (in Russian)
5. Skugarevsky O., Golubovich V., Ostianko Yu., et al. Moral damage vs. psychological/psychiatric injury: analysis of the position of forensic psychiatrists and forensic psychologists. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(1):119–128. (in Russian)
6. Dukorsky V., Zaitseva L., Ostianko Yu., et al. Moral damage caused by a crime or psychological/psychiatric injury: analysis of the prosecutors' position. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(3):370–378. (in Russian)
7. Dukorsky V., Zaitseva L., Ostianko Yu., et al. Moral damage caused by a crime or psychological/psychiatric injury: analysis of the investigators' position. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(4):479–488. (in Russian)
8. Dukorsky V., Zaitseva L., Ostianko Yu., et al. Moral damage caused by a crime or psychological/psychiatric injury: analysis of the judges' position. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2025;16(1):479–478. (in Russian)
9. *Psichologicheskaya travma: rukovodstvo po travmainformirovannoj yuridicheskoy praktike dlya yuristov, rabotayushchih so vzroslymi zhitvami narushenij prav cheloveka*. Midsksekij universitet, 2022. (in Russian)
10. Blix I., Glad K.A., Undset A. et al. 'My child could have died': counterfactual thoughts and psychological distress in parents of trauma survivors. *European Journal of Psychotraumatology*. 2024;15(1):2326736. DOI: 10.1080/2008066.2024.2326736
11. Wilcoxon L.A., Meiser-Stedman R., Burgess A. Post-traumatic Stress Disorder in Parents Following Their Child's Single-Event Trauma: A Meta-Analysis of Prevalence Rates and Risk Factor Correlates. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2021;24(4):725–743. DOI: 10.1007/s10567-021-00367-z
12. Zaitseva L. Restorative justice – an alternative to criminal prosecution. *Judicial practice in the context of the principles of legality and law*. 2006:298–306. (in Russian)
13. Bushkevich N.S. On the feasibility of creating a state targeted off-budgetary fund for compensation of harm to victims. *Preliminary Investigation*. 2018;2(4):82–86. (in Russian)
14. Dukorsky V., Skugarevsky O., Ostianko Yu., et al. Psychological and psychiatric concept of moral injury. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(2):226–231. (in Russian)
15. Jameton A. *Nursing practice: the ethical issues*. New York, 1984.
16. Shay J. *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York, 2010.
17. Griffin B., Purcell N., Burkman K., et al. Moral injury: An integrative review. *Journal of Traumatic Stress*. 2019;32(3):350–362. DOI: 10.1002/jts.22362
18. Farnsworth J.K., Drescher K.D., Nieuwsma J.A., et al. The role of moral emotions in military trauma: Implications for the study and treatment of moral injury. *Review of General Psychology*. 2014;18(4):249–262. <https://doi.org/10.1037/gpr0000018>
19. Shay J. Moral injury. *Psychoanalytic Psychology*. 2014;31(2):182–191. <https://doi.org/10.1037/a0036090>
20. Young G. Trends in Psychological / Psychiatric Injury and Law: Continuing Education, Practice Comments, Recommendations. *Psychol. Inj. and Law*. 2010;3(4):323–355. DOI: 10.1007/s12207-010-9092-x
21. Koch W.J., Kevin S.D., Nicholls T.L., et al. *Psychological Injuries: Forensic Assessment, Treatment and Law*. New York, 2006.
22. Young G., Nicholson K., Kane A.W. *Causality of Psychological Injury*. New York, 2007.
23. Association for Scientific Advancement in Psychological Injury and Law. Available at: Asapil.net (accessed: 19.12.2023).
24. Psychological Injury and Law Journal. Available at: asapil.net/psychological-injury-and-law-journal (accessed: 19.12.2023).
25. Vilariño M., Arce R., Fariña F. Forensic-clinical interview: reliability and validity for the evaluation of psychological injury. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2013;5(1):1–21.